





# НАШ ДОКТОР

Маленькая старушка в армянском национальном костюме стояла в пелене.

— Доктор отдыхает, — сказали ей, — он недавно вернулся с работы, очень устал. Приходите, матушка, завтра утром.

Женщина не ушла. Она огляделась и коротко приказала: «Позовите его сюда!»

Профессора пришлось разбудить. — Почему не хотите меня прийти? — строго спросила ее старушка. — Не ты ли вчера мальчишкой бежал по нашей улице!

И, ничего не спрашивая, она прошла прямо в кабинет, а за ней, чуть улыбаясь, поворачиваясь, членкорреспондент Академии медицинских наук, заслуженный деятель наук, директор Института гематологии и прочая и прочая — профессор Рубен Овсепович Еволян.

— Вы эту больную и раньше знали? — спрашивали у него сотрудники, когда на следующее утро он рассказывал этот эпизод в клинике.

— Не помню. Возможно, в детстве знал. Она моя землячка из Гориса. Все районные новости сообщала... — Ну, смелая старушка! — искренне удивился один из молодых ассистентов.

— Нет, — сказал Рубен Овсепович, — свое требовала. И отчитала меня по праву. Это должно было, чтобы мы не забывали, кому все обязаны.

Раговор шел в операционной. Все врачи готовились к очередному рабочему дню. Натянутая мыльная сетка пальца, Рубен Овсепович еще раз, — быть может, уже в десятый раз! — спросил молодого хирурга: — Ты знаешь, как ты пишешь? Изложи очерки своих действий.

И ученик, который еще мог по памяти сосчитать, сколько раз он самостоятельно оперировал, торопясь и волнуясь, описал ход предстоящей операции.

Рубен Овсепович слушал, хмурясь и слегка кивая головой. Огромным обаянием для него было бы взять сейчас скальпель в свои руки и самому провести эту операцию с той быстротой и ювелирной тщательностью, которые создали ему репутацию одного из лучших хирургов республики и славу «доктора легкой руки», как называют его в народе. Но по обязан доверять это сложное дело начинающему трудовому хирургу. Через несколько месяцев из стен института выйдут на самостоятельную работу молодые специалисты. Но все будут хирургами, но уметь оперировать обязаны все.

Армения — страна гор. Жаркие плодородные долины окружены высокими горами. Многие перевалы зимой непродоходимы. Взяв хотя бы родину проф. Еволяна — Зангезур. На крутых склонах летает селала Татев, Хидзорек — красивые, богатые села. Но туда зимой на машине не всегда добраться, не дойдешь и пешком. Значит, нужно, чтобы у народа под рукой в любую минуту были подготовленные врачи.

И вот профессор стоит у операционного стола, готовый в случае необходимости сразу же прийти на помощь молодому хирургу, занять его место. Проф. Еволяну очень трудно. Самая большая ценность — человеческая жизнь доверена сейчас его ученику. Профессору необходимо напряженно, неслобное внимание, чтобы заранее предупредить и предотвратить возможную ошибку. Из операционной он выходит повеселенный, обесцеленный.

— Ну, конечно, в вашей клинике вас засидит готовый! — сердится его ученица и помощница по Институту гематологии и переливания крови Армения Аркадьевна Сафарян. — Скажите-ка, сколько вы операций сегодня сделали?



Профессор Рубен Овсепович Еволян

...Мне пришлось как-то побывать в Горисе — своеобразном, очень красивом городе Армении. Все дороги, ведущие к нему, круто падают вниз.

Горис лежит в котловине среди высоких гор. Народ в Горисе гостеприимный. В доিকে, где я ночевала, на стене висел портрет хирурга Еволяна.

— Это ваш родственник? — спросила я у хозяйки.

— Нет, — покачала она головой.

— А кто же?

— Неужели ты не знаешь? — удивилась хозяйка дома, шедер по профессии. — Это знаменитый доктор, депутат. Когда нужно, мы его сюда вызываем. На самолете прилетает.

Он может быть, в своей жизни тысячу человек спас...

Это было явным преуменьшением. Профессор Еволян спас не одну тысячу человек. На самолете, на автомашине вездик перекатывался по Армении, чтобы своим вмешательством вернуть человека к жизни. И часто люди из сел и районов, чтобы подчеркнуть свою просьбу о неотложной медицинской помощи, указывают ему: — Ты наш депутат!

— Ты наш депутат?

Уже в третий раз народ выдвигает кандидатуру Рубена Овсеповича Еволяна в депутаты Верховного Совета СССР. Несколько дней тому назад Рубен Овсепович ехал на встречу со своими избирателями, и настроение у него было не блестящее. В районном центре Ахта, где дождь была происходить эта встреча, дождь проводил дождливую погоду. Жители обратились за помощью к своему депутату. Анализ этой воды, произведенный в Ереване, обнаружил не вредные, но все же неприятные примеси. При поддержке профессора Еволяна жители районного центра дождались получить отличную ключевую воду из ближайших родников. Но этот проект не встретил действительной поддержки в районных организациях. Дважды выезжал депутат Еволян по этому вопросу в Ахту и не смог добиться начала работ. «Теперь, что скажете избирателям? Не проявил достаточно энергии, настойчивости... А ведь спросил!» — думал профессор, пока машина с трудом пробивалась через снежные заносы. Но когда прибыли в Ахту, Рубен Овсепович не удалось даже вовремя попасть на собрание. Его вызвали к тяжело больной.

Он пришел на встречу с избирателями прямо из больницы, едва успев вымыть руки. И сказал он своим избирателям просто и честно: «Должны были провести воду, но не смогли. Видно, депутат не был достаточно настойчив...»

Тут пришлось встать председателю исполкома райвета и перед лицом народа признать свою вину и пообещать: — Вода будет!

Большими вехами на пути профессора Еволяна являются встречи с избирателями. На одной из таких встреч попросил слово старик-кохозник. Он прошел через зал, поднялся на сцену кувала и, пойдя к профессору, долго выговаривал ему в лицо: — Да, это ты, — сказал он удовлетворенно. — Помини меня! И в 21-м году был изумлетником второго коммунистического полка Камаринского отряда... Это ты раненый комиссар Мухана из-под палы вытаскивал. Про вась было... Фельдшера и санитары убоа, а ты спас нашего комиссара. Ты у нас в отряде доктором был. Постарай, конечно. Все же я тебя сразу узнал. Ты, знаешь, профессором сделался? Это хорошо. И тоже на жизнь не жалуюсь. Я — колхозник. И за тебя буду голосовать, товарищ профессор Еволян.

Нора АДАМЯН

ЕРЕВАН

## ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

### Меры приняты, но...

12 ноября 1953 года «Литературная газета» под заголовком «Институту нужна помощь» опубликовала письмо группы сотрудников республиканского Государственного института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства — Росгирводхоза.

В письме критиковалось Министерство сельского хозяйства РСФСР за невнимательность к нуждам института. Инженерские партии были плохо оснащены оборудованием и инструментом, проектировщики лишены самых элементарных условий для работы, отсутствовала лаборатория для испытания грунтов. Из-за всего этого Росгирводхоз не в состоянии был выполнять задания по проектированию мелиоративных объектов в ряде районов страны. В своем письме сотрудники института обращались к министру и лично к министру сельского хозяйства РСФСР тов. Лобанову с вопросом: «Намерены ли вы оказать Росгирводхозу, чтобы мы могли в срок выполнить изыскательские и проектные работы по мелиоративному строительству?»

И вот перед нами ответ министерства. Заменить министра сельского хозяйства РСФСР тов. Васина сообщает редакция, что проверка подтвердила правдивость фактов, изложенных в письме группы сотрудников Росгирводхоза. В целях улучшения работы института министерство выделило ему 50 автомашин, 6 буровых станков, 15 комплексов точных геодезических инструментов. «В Москве», — сообщает тов. Васин, — организована почвенная лаборатория, в связи с чем отпала необходимость возить образцы почв в Гор. Новосибирск.

Ответ на первый взгляд удовлетворительный. Критика, казалось бы, подействовала: меры приняты.

Но тут-то и появляется «но».

В действительности, к сожалению, все обстоит несколько по-иному. Группа сотрудников Росгирводхоза — проектировщики, изыскатели, расчетчики, в том числе тт. А. Панаидия, Е. Наумович, М. Ильинский, А. Климентова, Ю. Никольский, В. Шраг, А. Ильин, Н. Чернова и другие, снова обратились в редакцию с письмом, в котором они, между прочим, пишут: «Прошло свыше трех месяцев со дня опубликования нашего письма, а помощи никакой не вышло. Из 50 автомашин, обещанных институтом, дали только 23. На приобретение же остальных автомашин и другого необходимого оборудования денег не выделено.

Но если здесь есть хоть какой-нибудь след, то условия труда в институте значительно ухудшились.

Для того чтобы организовать почвенную лабораторию, министерство предложило институту освободить помещение на Неглинной улице и 45 проектировщиков разместить в здании Министерства сельского хозяйства РСФСР. Однако, вскоре, когда лабораторию открыли, группа была выброшена со всеми материалами и имуществом в вестибюль. Заместитель министра тов. Богданов и начальник хозяйственного управления тов. Чекменев лично наблюдали положение инженеров, сидящих в течение двух дней в вестибюле здания...

Лаборатория для виду была создана (она еще не оборудована), а проектировщиков попросту выкинули на улицу. И по сей день более шестидесяти проектировщиков и инженеров института не имеют рабочих мест.

Министерство не приняло никаких реальных мер по улучшению условий работы сотрудников Росгирводхоза. За короткое время некоторые группы проектировщиков института переехали с места на место по семи и более раз. Потеряно много рабочего времени. На все обращения дирекции и сотрудников института руководители аппаратов министерства отвечают молчанием.

Инженеры, проектировщики и изыскатели Росгирводхоза обращаются в редакцию с вопросом: «Не является ли это переселение своего рода реакцией на наше обращение в редакцию газеты?»

Будем надеяться, что это не так. Мы ждем, что министр сельского хозяйства РСФСР тов. Лобанов рассвет это мнение. Институту нужна действительная помощь.

## ФЕЛЬЕТОН

### Рыба в чернильном море

Тревожное обстоятельство привело нас осенью прошлого года на пустынный берег Цимлянского водохранилища. В редакцию поступил сигнал о том, что около хутора Чиганаки должен быть выстроен большой рыбхоз — своеобразная фабрика по выращиванию молодых ценных пород рыб для нового моря. — Но стройка ведется не по-хозяйски, неумело и крайне медленно. Возникла необходимость ознакомиться с состоянием дела «сверху».

...Итак, Цимлянское море собираются «зарыбить», сделать его новым внутренним рыбопромышленным районом страны. Осуществить этот замысел поручено Министерству промышленности продовольственных товаров РСФСР. Ответственным исполнителем — трест «Росрыбстрой». Начальник строительства — В. Мехоношин.

Познакомившись мы с ним в центре стройки. Человек лет тридцати, но лицо — современная уменша, в разговоре — полное признание безобразного положения дел на стройке и вместе с тем полное неприятие своей ответственности.

— Вот, посмотрите, — показал он объемистую папку с бумагами. — Ездил будет что... Ну, понимаете, если дело дойдет до суда, — я докажу!

Странное впечатление производил этот руководитель, заранее запасшийся папкой на «всякий случай». Он жил теперь одной заботой: доказать, если его привлекут к ответственности, что он тоже «сигнал» писал в министерство, и в трест, и в обком, и в райком партии.

— Какой из меня начальник строительства? Я инженер-авиамоторщик!

— Почему же вас не отпускают?

— Неужели не понимаете? Хотят на меня свалить ответственность!

Государство отпустило на строительство рыбхоза 22 с лишним миллиона рублей с тем, чтобы к декабрю 1953 года строительные работы были закончены, а к весне 1954 года в пруды была пущена рыба. Но работы выполнены пока только на три с половиной миллиона рублей.

— Почему не больше?

— Рабочих мало!

— А инженеров сколько?

— Один я! За прорабов командуют рабочие, более или менее грамотные. Прислала механика, оказалась пьянчужкой. Еще главного бухгалтера прислали. Оказалось, он считать не умеет. Оставили сторожею.

Весь ясене вырысовывалась грустная картина: стройка пошла в руки случайных людей. А расположена она на главном Волго-Донском пути, вокруг все горит о могучей технике, о передовых методах труда. И вдруг, рядом — поразительная отсталость.

В августе сюда приехал из «Гидрорыбпроект» главный инженер проекта В. Лазарев. Он обнаружил, что дамбы сооружаются без подмытия и почти без укатки грунта, а грунт в степи суховат. Инженер за протестовал — дамбы потом не выдержат напора воды и поплывут. Он потребовал немедленно показать лабораторные пробы плотности грунта дамб. Но их не оказали. Проб не делали с начала стройки. Не делали потому, что нет лабораторий, хотя бы даже полевой, и нет геодезиста. И эти на гидротехнической стройке!

Пушествие по следам сигнала пришлось проложить в Москве.

Оказывается, пока дело проектировалось и утверждалось в Москве, все шло, как полагается. Для теоретического обоснования, разработки проекта, консультации и обсуждения привлекались лучшие специалисты. Но вот министерская машина «сработала» — и проект готов. Вслед за этим явился бумажный шквал приказов, отзывов, запросов и распоряжений. И пошатнулось живое дело от этого шквала!

Заказ на стройку почему-то прибыло к берегам слабенькой строительной органи-

зации — треста «Росрыбстрой». Солидной базы на местах эта организация не имеет, на весь трест всего два инженера. Но подряд събыли с ней и успокоились. А трест повел стройку, как мог, — скромными силами машинно-мелкотранспортной станции. А что из этого получилось, мы уже видели. Очевидно, была совершена ошибка. Но как трудно, оказывается, повернуть в нужном направлении колесо министерской машины!

— Бумаги, бумаги, бумаги... — Вот с одной улыбки — из Управления капитального строительства — на другую — в «Гидрорыбпроект» пролетала бумага за № 70-7-51. И бумага эта начальственным голозом Н. Финюганова выразила недовольство министерства медленной выдчей рабочих чертежей для стройки на Цимле.

— Нечего сваливать вину на нас, — отвечала главу бумага из проектной организации за № 65/6-40 и доказывала, что стройке выдано рабочих чертежей более чем на 11 миллионов рублей, а там ослила лишь три с лишним миллиона.

Вот из кабинета заместителя министра промышленности продовольственных товаров РСФСР степенно выкатилась бумага, которая была утешена указаниями, словно лоза виноградными гроздьями. Именовалась она создано: «Мероприятия по улучшению хода строительного-монтажных работ 1953 года и подготовки строительства к 1954 году по Цимле». Она побывала в «Росгидрострое», Управлении капитального строительства и «Росгидрарбпроеме». Побывала и улеглась в папки.

Если же отбросить эти бумаги и посмотреть на суть дела, то получится так: министерство возложило ответственность на трест, а трест на Мехоношина... Работники министерства прилагают все силы, чтобы трест не сложил с себя непосильную ношу и не «выкрутился», а υπравляющий трестом тов. Абрамсон, — чтобы Мехоношин не «ускользнул».

Но, наконец, о стройке вспомнила и коллегия республиканского министерства. Министр тов. Соколов призвал коллегию подойти со всей серьезностью к решению наиболее важного вопроса.

Однако никто из членов коллегии, включая самого министра, не смог подойти к этому делу «со всей серьезностью». Кстати, никого из них и не выдвинул берег Цимлян.

И состоялось такое решение: пусть решает за них созванное министерство. А поему: «Просит министра промышленности продовольственных товаров СССР тов. Зотова рассмотреть данный вопрос на заседании коллегии и наказать виновных в срыве ввода в эксплуатацию строительства Цимлянского нерестово-выростного хозяйства».

Нельзя, конечно, не согласиться: наказывать виновных надо. Но кто же тут больше всех виновных, товарищи члены коллегии?

...Бежит время. В примамлянский степях пахнет весной, а на стройке мало переменилось. Мехоношину удалось, правда, улизнуть, и вместо него появился другой начальник, но уже не специалист по авиамоторам, а плановик со средним образованием. Промелькнуло на короткое время в роли главного инженера некто Логвин, оказавшийся вовсе не инженером. Главбух, попавший в сторожа, утащил У окрестных колхозников поросенка и был судим. В остальном — все по-старому.

А решение союзного министерства? Его нет, и говорить, что не будет!

...Итак, начав в осеню прошлого года путешествие по следам сигнала, мы пока не достигли цели. Рыба все еще плавают в чернильном море, а не в Цимлянском. Живое дело все еще не удалось вырвать из цепких канцелярско-бюрократаических переплетений.

А вырвать надо!

З. ФАЗИН

А. БЕК, Н. ЛОЯКО

## ДЕД РАССКАЗ

Веретеников шагает с ночной смены. В городе уже рассвело. Можно различить прет снега, лежащего на улицах... не про стое серый, а искривленно-черноватый, бурый, подкрашенный рыжей рудой пылью.

Перед глазами все еще проплывают огненные полосы. Восемь часов сразу Веретеников смотрел на раскаленные болванки, позущие к листовому стану.

Старый мастер полагает левый глаз. Что-то там садит. Наверное, угодила обломком окатыша... Ладно, выйдет со слезой. Жена вытаскает во дворе половики, а Валентина поручено ухаживать за отцом. Ей, девятикласснице, в школу идти лишь после обеда. Тоненькая, с черными волосами, всегда несколько встрепающими, как их ни причесывай, немного горбоносая, живая. — Валя вся в Веретеникова.

— Дед, — восклицает она, — ты мне все валенки забрызгал.

На заводе Веретеникова называют дедом, так привыкла звать его и дочь. Голяй до пояса, сухошапый, словно подушенный в своем жарком цеху, он нагнулся над ванной, находящейся здесь же, в кухне.

— Хватит лить, — командует он. — Хватит! Кому я говорю.

Однако Валя продолжает лить из кувшина. Она знает эту манеру отца покрывать дома, как в цеху.

На кухне Веретеников и завтракает. Вымытыми, но не мытыми, бурными, как асфальт снег, пальцами, он солил яйцо.

— Герасим Ильич, разрешите к вам, — доносится из своей сопливой мужской горло. В кухню стремительно входит человек лет тридцати, высокий, статный, в добротном синем пальто. Серый каракудевый воротник, такая же папаха отягчен свежее лицо. Чисто выбритая кожа покрыта загаром, несмотря на зиму. Это особый загар людей, проводящих много времени близ расплавленной стали: кожа смуглеет от лучей жупленного металла.

— Заходи, Петр Михайлович, — говорит хозяйка. — Чего застенчался?

— Спасибо, Герасим Ильич... Совестно беспокоить. Я ведь пришел к вам, как к депутату. Прямо сюда. Так сказать, возврата. Вы ведь не дома принимаете.

— Какую сроду... В гориспокоме, — вмешивается Валентина.

Вмешивается и, покраснев, умождает. Этот взволнованный красивый посетитель

может подумать, что она вырваживает его. А хочется, чтобы он знал, что и она причастна к депутатским делам отца, является, можно сказать, секретарем депутата Верховного Совета. И она договаривается.

— С десяти... и пока всех не примет... Но, конечно... Покажут.

Умешнувшись, Герасим Ильич держит своего секретаря за тугую черную косицу. — Я ведь знаю, что в среду, — улыбается Петр Михайлович. — Но судьба-то моя решается нынче, в понедельник.

— Судьба — это дело серьезное. Садись, гостем будешь. Угощай, Валентина!

— Нет, Герасим Ильич, не до еды мне... — В таком рае обидки, приму по всем правилам, как избирателя.

Наскоро покочившись с чаем, Веретеников поднимается, надевает пиджак и следует в комнату, именуемую залой.

— Секретарь! — кричит из залы дед. Но Валентина зазанипалась. Посетитель, чтобы скрыть нетерпение, помахивает на стене. Вглядывается по фотографии на стену, выставляя даже на той же Веретеников, еще совсем черноволосый, сидит рядом с Серго Ордоникидзе. Внезапно Петр Михайлович оживляется.

— Ого, какой радиоприемник! Такого не встречала. Недавно, что ли, выгустали?

— В нынешнем году... Из Москвы привез, купил, когда на сессию съезжал.

Гость бережно гладит отполированную стенку приемника, словно ласкает ее.

В комнату вбегает Валентина, сменяя валенки на туфли. Волосы секретаря смочены и тщательно разглажены. Герасим Ильич едва удерживается от шутки. А Валя кладет на стол толстую переплетенную тетрадь, ставит чернильницу-непроливайку. Тетрадь разглажена с ружья. Каждая рубрика заполнена ею же.

— Ниши! — командует дед. — Сизов Петр Михайлович. Инженер второго мартеповского. Живешь-то где?

— Вот начет этого и заявился.

— Точный адрес, — требует Валентина. — Ну, вышито... Завокалыная, 34.

— Э, куда забрался... Я ведь на частной, уют с заводской. Было сыграно. Вы же это строительство знаете... Полубарачного типа... Все это Сизов сообщает скороговоркой, а затем, нпа участия, добавляет: — Двое детей... Мы с тобой очень боимся за маленького. — Значит, кто его жинка? — перебивает дед, обращаясь к Вале. — Покойного Харитонова дочка, Василия Потапыча. Валентина помнит, как несколько лет

назад умер Харитонов, рабочий пеха огнеупоров. Он умирал тяжело, от силикоза, болезни, вызванной постоянным вдыханием мельчайшей каменной пыли. Дед тогда много пошутил. И добился установки более мощных вентиляторов у камнедробилки. Это тоже было его депутатским делом.

Валя помнит и дочку Харитонову: — Как же! Беленькая такая, курчавай. Я давно ее видела. Я тогда от пионеров с приветствием. А она в президиуме от горького комсомола... Как же, Надя Харитоновна.

В смятении Валя говорит несколько невнятно. Какой человек пришел к ним в дом! Муж Нади Харитоновой!

— Теперь-то, небось, не Надя, а Надежда Васильевна, — говорит Веретеников.

— И даже уже не комсомолка, — добавляет Сизов. Он спешит перейти к делу. — Решается наша судьба, Герасим Ильич. Сегодня, как я узнал, будут заселять новый дом на Первомайской. Семьеядет две квартиры. Мне обещано. Сейчас у Пояркова окончательно все утрясано. И никого к нему в кабинет не пускают, даже по телефону не соединяют... А вас соединят, Герасим Ильич.

— В список-то ты внесен?

— Внесен. Давно. Но чего не случается в последнюю минуту! Вы же знаете жизнь, Герасим Ильич. — Запнувшись, он продолжает: — А я этот год зарпался... С подчиненнойюй.

У Веретеникова чуть не вырывается: «Заслужил, заслужил, Петр Михайлович». Однако дед не любит блатовать молодых. Этого и так захватили. К ноябрьским праздникам фотография Сизова была помещена в заводской газете. Он вместе с несколькими коллективными сталеваора выставлял в мартеповской печи шарикоподшипниковую сталь, ту самую, которую раньше получали лишь в электротехнике. И ведь не хвастал заранее, готовил молчком, исподволь... И выстрелил словно из пушки.

— Придется уважить твою просьбу. — Веретеников берет за трубку телефона и вдруг спрашивает: — А почему Надежда не пришла с тобой?

— Она? Она с детьми... И кроме того... Это я ей смириться готовлю. Поинмается?

Веретеников звонит в кабинет Пояркова, директора завода. Валя видит, как напрягались Сизов, подался к телефону. Даже губы облизал, словно они обожгли.

— Ступай, подавай ордер, — говорит Веретеников, опуская трубку. — Наде передай, чтобы ждала на новоселье.

— Спасибо! — Сизов встает. — Спасибо, Герасим Ильич! И вам, Валечка, спасибо. Возле порога он вдруг замирает.

— Герасим Ильич, как бы вернее? Ведь

могут передумать в последний момент. Хорошо бы письменно. На вашем личном бланке. У них было бы тогда основание.

— Б чему? И так договорено.

— Я бы сейчас переехал в кабинет. Мягом домчусь, своя машина.

— Машины завед? «Нобеду»?

— Да... Премно-то дали за подписниковоую.

— Молодчага! Дельно поступи.

— Так не откажите, Герасим Ильич, а ведь в нем никогда не обращался.

Новый обликнув губы. Сизов с мольбой глядит на Валя, и та подвывает к депутату его большой блюют.

Сизов бежит с крыльца, размахивая записной, словно просунувшая на ней чернилка. У калитки его дожидается новенькая тентонисная «Лобела».

Веретеников, подошедший к окну, с удивлением замечает, как на встречу инженеру распахивается дверца машины и женская рука в пестрой нарядной перчатке схватывает записку.

Странно, что Надя не пожелала зайти, послала мужа.

\* \* \* Красный шар садитсяоса солнца уже почти касается заводских труб. Дед только что проснулся. Проснулся и сердито согнал пригорнувшего в ногах kota.

— Ишь, пристройлся.

Что-то беспокоит старика. Обломышек в глазу, что ли? До сей поры не вышел. Губоко, стало быть, забился. Из-за него и свету безому не рад.

Гм... Непонятно... К чему подобилась говорить: «Сюррисиз жеңе», когда жинка сама поджидала в «Нобеду», вырвала из рук бумагу, словно испугалась, что отнимут. Эх, Надя!.. Видимо, ты переменялась. И муженек у тебя... Как бы сказать... Ухватистый.

Старик недоволен собой. Он нелегко раздал записки. Обычно он, выслушав избирателя, выезжал на место проверить, убедиться воочию, разобрался досконально и уже потом писал или диктовал Валентине: «На мою имя поступила просьба...» Впрочем, сейчас-то дело ясное. Неужели Сизов, новатор производства, отец двух детей, не имеет права на хорошую квартиру?

Герасим Ильич снимает с вешалки шапку. Из кухни выглядывает жена: — Куда собираются? По депутатским? Последнее слово она, как всегда, признает с уважением.

— Нет. Глаз мучит. Посту сорнику вынуть.

Завел мотор «Лобелю», послужившей верой и правдой уже немало лет. Веретеников идет открывать ворота. Вот здесь, возле калитки, утром стояла другая «Лобе-

да», блестящая свежим лаком, пегоевантая, как и ее владелец.

Подъехав к шоссе, просекающему город, Веретеников вдруг поворачивает влево, вовсе не в сторону подлинных... Вот остался позади завод; вот проплыло здание вокзала с уже освещенными окнами; потонулись небольшие домики; стали встречаться водозаборные колонки.

Украина... Возле конечной трамвайной остановки пришлось затормозить. Далекобы снимает комнату Сизов. А может быть, уже и не снимает? Уже выехал? Если в обед раздавал ордер, то михега, вероятно, поспешили с переездом. Кому не захочется скорей занять квартиру с горячими радиаторами, с новенькой газовой плитой...

Почти последней с трамвая сходит худенькая женщина в сером пуховом платке. Она тащит полную кошелку, шагает по улице, тянувшейся еще дальше на окраину.

Веретеников присматривается к женщине, обгонет ее, останавливает машину. Затем, открыв дверцу, говорит: — Здравствуй, Надежда! Садись рядом, укавай дорогу. Я ведь в тебе собрался.

— К нам? Разве случилось что?

Веретеников молча берет из наданных рук тяжелую кошелку. Женщина садится. Он неожиданно включает свет и проводит пальцами по ее коричневой грубоватой вержке.



# МЛАДШИЙ СЫН РОДИНЫ

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Художник Коля Дмитриев трагически погиб в 1948 году, в возрасте неполных шестнадцати лет. Тем не менее это была яркая и частично уже сошедшая творческая индивидуальность. В рисунках и акварелях Коли Дмитриева, в особенности относящихся к двум последним годам его кратчайшей жизни, до предела наполненной творческим гением, угадывается не только будущий большой русский художник, но был гений, согретый автором уже созданных произведений, отмеченных печатью незаурядного и все более кричащего реалистического таланта. Видимая в талантливости рисунки и акварели Коли Дмитриева, мы находим в них следы влияния Серова и других замечательных русских живописцев. Он как бы вобрал в свое юное, полное жизни творчество их влияния, оставшись в то же время самим собой, тем Колей Дмитриевым, который так чудесно умел передать и нежные полутона природы среднейрусской весны, и графически точную красоту нового городского индустриального пейзажа, и характеры своих товарищей, и детали современного быта, и винючий в образы далекого прошлого. Он был в свои юные годы настоящим иппарсом «сверхъестественного художественного труда». Труднейшее дело Коли Дмитриева было равно его паровозу. Почти вся его маленькая, но такая широкая, просторная и богатая жизнь без остатка была поглощена художественной учебой и творческой работой. И в то же время это был мальчик, а потом и юноша, обнимая ногами стоявший на реальной земле, связанный с повседневной действительностью теснейшим, подлинно родственными узами, живя наш современник, позволившему пережить весь то, чем жили в годы его отроческого созревания все советские люди.

Одна из лучших работ Коли Дмитриева — «Новая Москва» («1-е мая»). Просторная голубизна неба и белая облака, переключенные во многих направлениях проволки... По обе стороны — новые, еще не законченные дома в окружении подземных канав. И стремительный росчерк ракетных самолетов, чьи красные слезы так отчетливо видны на фоне небесной лазури. В этом небольшом городском пейзаже Коля Дмитриев отчетливо передает поэзию нового, поэзию социалистической стройки, социалистического созидания.

И вот еще одна из его работ — «Салют». Небольшой дом, силуэты двухэтажных московских домов, голые осенние деревья, несколько фигур людей. Надо всем этим — бездоговорные лучи скрещенных прожекторов и цветная роспись ракетных огней. Кажется, будто в порыве радости на миг заветил эти голые стволы причудливыми весенними цветами.

Эти небольшие вещи Коли Дмитриева выполнены заволнованно, торжественно, поучительно, но в них сказано то, что хотел выразить художник. Это эмпирические наброски увиденного, это — произведения, в которые молодой художник вкладывал идеи, пережитые им вместе со своими сверстниками и людьми более старших поколений — современниками героических лет войны и созидательной стройки.

Отсюда не нейтральны, не безразличны к деревенским пейзажам Коли Дмитриева. В них — ликующая свежесть красок, выключенность в жизнь. Эти маленькие шедевры молодого художника органичны для его формирующегося мировоззрения, оптимистического, полного реализма.

«А Мальчик на солнце?» «А Наступок?» «А Солдат?» «А Бригадир?»

Есть что-то удивительное в наблюдательности, с которой Коля Дмитриев умел на лету схватить и передать карандашом человеческий характер — самое трудное в искусстве. Его влекло великое множество самых разнообразных творческих замыслов — ему хотелось изобразить и старый дуб в одном из родных арбатских двориков, и набережную

Москвы-реки, с которой дети наблюдают картинку дельфинов, и строго, чуть таинственную тишину Большого театра во время увертюры, и деревенскую улицу, и напряженные фигуры рабочих с кирками и перфораторными молотками в руках, и стройного молодого лыжника, освещенного январским солнцем, и красоту шелковой ткани, спадающей тяжелыми складками, и вид старой «русской почты», и праздничный облик советской столицы.

В этих творческих поисках Коля Дмитриев был молодой и жадной тревога — как бы не пропустить что-то важного и интересного, наиболее существенного в жизни. Как настоящий художник-реалист, Коля Дмитриев был одушевлен инстинктивным стремлением запечатать красоту объективного мира во всем многообразии его примет, черт, характер.

Лев Кассиль написал о Коле Дмитриеве книгу — «Ранний восход». Она хороша, начиная с верного и точного заглавия, определяющего суть творческого самораскрытия Коли Дмитриева, и кончая превосходно подобранными карандашными рисунками и акварелями молодого художника (замечать в скобках, что последние отнюдь не воспроизведены, с сохранением колорита, за что большое читательское спасибо Московской фабрике детской книги).

В основу своей книги (которая неточно, вернее, неисчерпывающе определена самим автором, как повесть) Лев Кассиль положил подлинную историю жизни молодого художника, подлинную канву его биографии. Он использовал и привел в ней многие письма и дневники. И в этом смысле «Ранний восход» — книга документальная.

Но писатель поставил перед собой и гораздо более сложную задачу: правдиво воспроизвести ход внутреннего формирования Коли Дмитриева, его эмоциональный мир, его раздумья и переживания, которые, конечно, нигде и никогда ни в каких документах зафиксированы быть не могли.

Здесь Л. Кассиль вступил уже в область образованного, художественного творчества. Надо полагать, что, раскрывая характер Коли Дмитриева и историю его жизни, он опирался на многочисленные личные рассказы родных и близких, товарищей и знакомых своего героя. И в то же время совершенно очевидно, что этих рассказов и свидетельств было бы мало для того, чтобы раскрыть внутренний облик юного художника во всей его сложности, детальной простоте, во всей его самобытности и неповторимости. Психологию героя книги писатель вывел, на мой взгляд, не столько из рассказов людей, знавших Колю Дмитриева, а из самого драгоценного материала его художественного творчества — из рисунков и картин, из эскизов и набросков, оставшихся после его смерти в таком щедром изобилии.

Коля Дмитриев показан в книге Л. Кассиль многогранно. Он изображен в детских своих играх, в молодой горячей дружбе с Женей, будущим рабочим, в нешутливой вражде с некоторыми из своих сверстников (например, с мальчишкой сыном Викториной, в просторечии Торковой-насторкой). Коля Дмитриев сохранен при этом все непосредственность своей детской натуры. Он шалит, он играет в футбол, он драмит свою сестренку Катю (по прозвищу Фитилевка), он трогательно и целомудренно ухаживает за девочкой Кирой, он, так же как и все советские дети и подростки, страстно следит за событиями Великой Отечественной войны.

Характер Коли Дмитриева дан в книге Л. Кассиль в живом развитии, в динамике своего внутреннего роста. Мы буквально ощущаем, как быстро мукает его талант, как все серьезней и зрелее становится его инстинкты. Все его нет на месте. А надо договориться о том, когда к нему можно поехать, потоптать начет Надежды.

А Валя не может успокоиться. Вчера тот человек глядел на Валю так, что она не выдержала, ввешалась. А он вот как пошутил... Чего только люди не творят ради любви! Недавно, когда в ее классе проходили «Цыган», Валя дома прочитала вслух несколько страниц. Отец очень хвалил ее чтение... Любовь бывает такой сильной, что даже сильные смерти. Вале снова становится жалько.

Когда Веретеников возвращается на кухню, сердитый оттого, что и на этот раз не поговорил с директором, перед ним стоит во весь рост дочка и требует, чтобы он высказал некоторые ее мысли. Очень серьезные мысли.

Приходится выслушать.

Сверкая черными, как антрацит, глазами, Валя прочитывает строки «Цыган»:

И всколыхнула страсти роковые,  
И от судьбы защитишь нет.

— Брунда. Найдется защита, — усмеивается дед, не способный в нынешнее утро понимать поэзию. — Прибери-ка, Валя, волосы. Уже очень распустила. И позволить не признавать настоящей ты любовь, когда стараются самих себя устроить поудобнее, а на других плюют, пусть, мол, пропадают... Садись, слушай, что скажу.

Не намеревался дед передать дочке весь сегодняшний разговор с Сизовым, но к слову пришлось, — и рассказал.

— Еще вчера Веретеников поступал к Сизову на новую квартиру. На запахнувшей краской двери доносился шумок, чудился голоса. Затем женщина спросила, кто стучит. Веретеникова она не выпустила, сказала, что Сизова нет. Ничего, разговор состоялся сегодня в конторе второго мареновского цеха. С глазу на глаз.

Сизов внешне хранил спокойствие, отвечал охотно, предупредительно. Разве он думал обижать детей? Разумеется, будет помогать. Он и сейчас оставил деньги. Пятсот рубль! А насчет жени... Когда-то она казалась ему переломным человеком, а сейчас — ну куда. Отстала.

Он и глазом не моргнув, принята эти доводы. И все повторяет: «Общественность... Не для того ли уговорил жену бросить работу? Заранее ли позаботился о том, чтобы иметь возможность вот так оправдываться?»

— Думайши. Надежда нет уже в жизни большого пути? Она поменьше, чем ты, человек? Помельче? — Дед варуд закричал — Основатель! Немедля ей квартиру! Сизов ответил, не повышая голоса:

отроческие раздумья, как постепенно усиливается его внутренний мир. Особенно хороши в этом смысле те главы книги, в которых описано последнее лето Коли Дмитриева, проведенное им в колхозе, до предела насыщенное яркими и живыми творческими впечатлениями и делами.

Коля — страстный спорщик, прекрасный товарищ, человек, активно вмешивающийся в жизнь социальными же средствами и способами. Прекрасна в книге Л. Кассиль сцена, когда Коля и его товарищи заходят в дом в их дома, — его хотят сплести на дрова утробные позитивные личности, вооруженные казенной бумагой. И Коля одерживает победу. Это победа живого творческого начала над равнодушным, казенной. Не менее важна сцена, когда Коля Дмитриев приходит на помощь своим подругам — Кире и Наде — и начинает оформлять стенную газету.

Обо всем этом Л. Кассиль написал перпендикулярно, с той подкупающей простотой и жизненной правдивостью интонации, которые делают его книгу равно интересной и взрослому и детскому читателю.

Нравда, временами писатель склонен ласовать перед изображением трудностей и противоречий жизни. Так, например, Л. Кассиль подробно и последовательно описывает жизнь Коли Дмитриева в Москве во время войны. Но странным образом из этого описания выпали тревожные дни октября 1941 года, когда, по сурово-сдержанному словам Совинформбюро от 15 октября, «положение на Западном направлении фронта ухудшилось». Эти дни должны были запечатать в душу Коли Дмитриева, еще более усилить его и без того горючую ненависть к врагу. Зря писатель обошел этот период в жизни Коли.

Напрасно писатель сглаживает и некоторые острые углы в формировании характера Коли, когда речь идет уже о гораздо более зрелых годах его развития. Так, Коля, судя по всему, должен был более болезненно переживать свой разрыв с Кирой, чем это показано в книге. Более напряженной, более волнующей могла быть и сцена их примирения.

Ели арко и интересно описаны Л. Кассиль школа и общение героя со своими сверстниками, то почему-то сравнительно бледно показана семья Коли Дмитриева. Характеры действующих лиц здесь наметены лишь пунктиром.

В упрек писателю следует отнести и то, что, вменяя он отступает от присутствующей ему сдержанной и простой в своем реализме манеры описаний и облачается стилистическими излишествами. Так, например, вряд ли стоило называть стратегическую «популярную жемчужинкой». Это чересчур «красиво» и потому пахот. Вряд ли можно назвать смешным бытие человека того, что мальчик по фамилии Волк был похот на игрушечного медвежонка. Но очень правдоподобно, что старый «интеллектуал», одиознейший буржуазные пороки, всухо на московском бульваре в разговоре с Колей называет пионерский галстук арканом. Здесь писатель пошел по пути явного упрощения образной характеристики. Этот же недостаток характерен и для образа старого профессора, друга и советчика Коли. Этот образ традиционен в дурном смысле слова, его краски противостоят реалистической манере писателя. Есть привкус слащавости и в описании колхозного дедушки Ермама Разумеева.

Подобных частных критических замечаний можно на полях книги Л. Кассиль сделать не мало. И тем не менее «Ранний восход» в целом — удача писателя.

Книга Л. Кассиль возбуждает активную любовь и огромное уважение к творческому труду талантливейшего юноши-живописца. Отдыхающая интересная как для взрослых, так и для маленьких читателей, она, надо полагать, прочно войдет в их обиход. Память о молодом художнике Коле Дмитриеве нашла достойное образное воплощение.

— Я занял то, что заслужил по праву. От государства получила. Рассудите, Герасим Ильич, как государственный человек.

— Использовал государственного человека. Обманул. Записочка понадобилась. Жилые тебе да на всю семью. Сегодня же поможем тебе перевезти своих на Первомайскую. Хотелось и сам жить. Не нравится — уходи!

— Напрасно все это, никому меня не выгнать. Ничего не сделаете, Герасим Ильич.

— Ну, ежели так... Ежели ничего не сделаю, то... То придется сложить с себя полномочия депутата. Гляди сюда.

Веретеников заставил Сизова взглянуть в запятое стекло, сквозь которое виднелся чек, пылающие огни печей, рабочие в спецодежде с синими очками на козырьках кепок.

— Знаешь, кто это? Это мои избиратели. Заявлю народу: «Говоришь, беспелен. Ничего не могу сделать с мерзавцем. Не годится, выберите другого депутата».

...Теперь, рассказывая об этом разговоре Валентине, Веретеников дышал так же тяжело, как и в тот час.

— Поизд, мелкая душунка, что не отступилось. Засуетится. Не зря говорят, что у вора душа заячья...

— Валя давно уже отодвинулась от плиты. Жарница... Сейчас она встанет, чтобы отворить дверь в сени, выпустить холоду.

— И бы такого из города выгнала. Навсегда!

В маленьких глазах отца под неседящими черными бровями возмущал улыбка. Как повернула, застучал!

Прижал ладони к пылающим щекам, Валя глядит куда-то перед собой. Любовь... Вот раздунаешь про такого, как этот вчерашний, и в любовь перестанешь верить. Нет! Разве же настоящий человек становится от любви хуже?

Отец не мешал думать Вале. Он пишет сам: «Директору научно-исследовательского института...» Затем с шумом отодвигает табурет, шагает в комнату одеяться. Пету чернота, поедет сейчас же в институт, и никаких!

— А мальчишки поирались тебе? — спрашивает Валентина, доставая из шкафа парашный отцовский костюм. — И, знаешь, что надумала. Буде ходить на Первомайскую, носилку, куда надо, с ребятами. Как секретарь депутата.

Веретеников сходит с крыльца. Чернотой снег застывает от мороза. Ввали, над домами, клубится рыжий дым. В ночь леду на завод не итти, отойтисся. А завтра — среда, депутатский день. Прием от десяти — и пока всех не примет.

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ЯКУТИИ

## К ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ ДАТЕ

В связи с празднованием трехсотлетия воссоединения Украины с Россией на якутский язык переведены многие произведения писателей Украины. Опубликованы переводы стихотворений и поэм Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, П. Грабовского, М. Рильского, М. Бажана, П. Воронько, М. Нагибыды, П. Дорожного, отрывки из романа Н. Рыбака «Червонявская Рада».

Якутское книжное издательство выпустило на якутском языке книгу А. Корнейчука «Маккар Дубрава»; готовится к печати повесть романа В. Соболя «Златогорье» и большой сборник «Украинская литература». На сцене Якутского музыкально-драматического театра с большим успехом идет комедия В. Мунько «Не памытай фамиляй», готовится постановка пьесы А. Корнейчука «Калиновья роса».

## ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯКУТСКИХ ПОЭТОВ

Недавно Якутское книжное издательство издало на русском языке семь книг стихов и прозы якутских поэтов. Среди них: «Северные поэмы» С. Васильева, «Утро над Ленгой» Л. Попова, «За мир» И. Эртового, «Родной край» Б. Хабырына и другие. Еще раньше центральное московское издательство выпустило роман Н. Мордимова «Весенняя река», повести: Н. Якутского — «Золотой ручей», Э. Эрстинга — «Марьякинские ребята», сборники поэтов Л. Попова, М. Тимофеева-Терешкина и Эллы.

## ТВОРЧЕСКАЯ ДРУЖБА

Новые песни на тексты якутских поэтов написал композитор Г. Григорян, командированный в прошлом году в Якутию Союзом композиторов СССР. Недавно в Якутске состоялось прослушивание его песен в исполнении хора и оркестра местного радио.

## ШЕФСТВО НАД КОЛХОЗОМ

Правление Союза советских писателей Якутии шефствует над сельскохозяйственной артелью имени Карла Маркса Намского района, Якутской АССР. Писатели выступают в колхозе с докладами и чтением своих произведений, проводят читательские конференции, помогают укомплектовывать книгами библиотеку колхозного клуба, наладить самодеятельность.

ЯКУТСК. (Нам корр.)

## ОБСУЖДЕНИЕ СТИХОВ Н. АСЕЕВА

В московской секции поэтов состоялось обсуждение новых стихов и поэмы «Н. В. Гоголь» Николая Асеева.

Стихотворный цикл «На отдых», пронизанный светлым, любовным ощущением родной природы, выступившие единодушно оценили, как большую творческую удачу поэта.

Отметив поэтический язык и тонкий психологический портрет Гоголя в поэме, литературовед И. Фейбегер считает нужным вычленив выделить фигуру Белинского. С. Шипачев советует автору усилить «общественный контекст», преодолеть известную фрагментарность построения поэмы.

О прекрасном поэтическом языке Н. Асеева, о его самообитом и ярком даровании «мастера лирического афоризма» говорили поэты и критики: Ан. Тарасенков, С. Горюшков, С. Куранов, З. Паперный, М. Максимова, И. Бакуров, М. Львов и др.

В заключение Н. Асеев горячо поблагодарил собравшихся за внимание к его многолетнему труду.

## На 38 языках

Исполнилось 140 лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Имя великого сына украинского народа окружено всеобщей любовью.

Произведения поэта стали достоянием широкой массы. За годы советской власти в СССР вышло 336 изданий его произведений. Общий тираж их превышает 8 миллионов экземпляров. Стихи и поэмы Тараса Шевченко переведены на 38 языков народов Советского Союза и многие иностранные языки.

Государственное издательство художественной литературы выпустило дневник Шевченко. В книгу вошли записи 1857-1858 гг. — поры ссылки и возвращения из ссылки, а также автобиография поэта. Книга иллюстрирована рисунками автора. В Государственном издательстве детской литературы выходит книга избранных произведений поэта.

## Где достать нотную литературу?

Письмо в редакцию

Попробуйте зайти в нотный магазин и купить интересующее вас произведение, например, «Времена года» Чайковского, романы Римского-Корсакова, предельно Скрибина и многое другое — вам это не удастся. Нотной литературы классиков русской и зарубежной музыки, знакомство с которой необходимо каждому музыканту, в продаже нет. Так же трудно найти и произведения советских композиторов.

Однажды я обращалась в Музгиз (по предложению самого же Музгиза, напечатанному на обороте издаваемых им нот) с просьбой выслать мне по прилагаемому списку ноты — нотуальные романсы русских композиторов, но ничего не получила.

Интересы учащихся музыкальных учебных заведений, музыкантов-профессионалов и просто любителей музыки — а их теперь очень много в нашей стране — требуют наладить издание и продажу нотной литературы так, чтобы лучшие произведения русских и иностранных композиторов мог бы приобрести каждый желающий.

Е. СПЕРАНСКАЯ

ЛЕНИНГРАД

# ОТСТАЮЩИЙ УЧАСТОК ЖУРНАЛА

Литературная критика в «Переле»

Журнал «Переле», орган ЦСП Литовской ССР, за последние годы окреп и занял заметное место в литературной жизни республики. Вокруг журнала сплелись дружные коллективы писателей. В 1953 году журнал порадовал читателей несколькими интересными произведениями.

Глубокий оптимизмом, верой в советский народ и его силы проникнута «Братская поэма» Э. Мезелайтиса.

Бесомненный интерес представляют отрывки из четвертой части романа А. Гулайтиса-Гузвиничуса «Братия» и повесть А. Балтрушаса «Дальние дороги».

Восхищение одобрения заслуживает стремление журнала помочь развитию драматургии — отставшего жанра литовской литературы. В этом году читатели познакомились с киносценарием и тремя пьесами. Среди них выделяется удачная одноактная пьеса В. Мильюнаса «Советнички».

Журнал опубликовал пять рассказов на различные темы, например: описание бюрократизма («Тине!..» Директор засадеет); «В одной семье» М. Эглиниса), жизнь Советской Армии («Гачанка» Г. Стунгураса).

К сожалению, в работе художественных отделов журнала есть и серьезные недостатки. Все еще печатаются крайне слабые в художественном отношении произведения: рассказы Г. Салунаса «Свадьба будет справлять ты...», неотреботанная пьеса И. Мариникивичуса «Родина зовет». Мало опубликовано хороших, запоминающихся стихотворений. Бедно представлено в журнале жанр очерка.

Особо следует поговорить о самом отставшем разделе журнала — литературной критике.

За год в «Переле» напечатано свыше 20 критических статей и около 40 рецензий. Со статьями выступили ведущие писатели и литературоведы республики: А. Венцлова, Т. Тильвинтис, П. Шимкус, К. Корсакас и другие. Привлекаются и молодые критики; можно отметить две удачные статьи И. Ланкутиса, статью К. Гинейтиса. Казалось бы, чего жалеть еще? И по количеству статей и по составу авторов отдел представлен вполне благополучно. Но за этой внешней «благоприятностью» кроются серьезные недостатки в состоянии литовской критики.

В апрельском номере дана содержательная статья А. Венцловы «ХIX съезд Коммунистической партии Советского Союза и задачи литовской советской литературы». Подводя некоторые итоги работы литовских писателей и критиков за последние годы, А. Венцлова отмечает ряд недостатков, и в том числе слабую роль газеты «Литература и мир» и журнала «Переле» в борьбе за высокое качество художественных произведений. О слабости литовской критики горячо и самокритично говорит и И. Ланкутис в «Заметках о критике».

По признанию недостатков еще не означает исправления их. Попреежму осуждаются робость в выступлениях, боязнь ставить острые, насущные вопросы. Попреежму почти нет статей о текущей литовской литературе. Торжественно-ведерецкая статья В. Устинова «Литовское советское искусство на пути социалистического реализма», декларативно-отрицательная статья П. Шимкуса «Новая ступень на большом пути», обзорная статья М. Салунаса «За глубоководное и художественное творчество молодых писателей» — вот, пожалуй, и все, что было опубликовано в журнале.

Нравда, в прошлом году опубликованы две большие статьи, представляющие собой анализ романов А. Венцловы «Пуоджюкемис» и А. Гулайтиса-Гузвиничуса «Братия», а библиографический отдел довольно активно рецензирует вновь вышедшие книги. Но все это, разумеется, нельзя восполнить отсутствием полноценных критических статей, посвященных путям развития литературы, ее успехам и неудачам, трудностям и стремлениям.

Журнал печатал боевую, интересную статью Д. Роде «Огонь сатиры» — мощное оружие писателя. Позднее со статьей о сатире Д. Роде выступил в газете «Литература и мир» писатель А. Маркинвичуса. Но ни журнал, ни газета не воспользовались этим для живой творческой дискуссии. А напрасно! Полемика между Д. Роде и А. Маркинвичусом выявила, что некоторые писатели еще не разобрались в задачах и возможностях советской сатиры.

Робость критики, естественно, поведла к слабой-юбилейному тону многих статей. Особенно выделяется статья К. Корсакаса «Видца Миколайтиса-Путинаса» (в 60-летие со дня рождения).

Миколайтис-Путинаса прошел сложный и противоречивый писательский путь. В последние годы он искренне предостерегает свои творческие ошибки, но это не дает права К. Корсакасу приглаживать и тем самым искажать облик писателя. Неверно, что «пробный» до сих пор жизненный путь В. Миколайтиса-Путинаса — это путь, характерный для большинства литовских интеллигентов XX века». Неверна и восторженная оценка ранних стилизаторских стихотворений Путинаса (1911 — 1919 гг.), которые критик, не смущаясь, именует «народными». В статье не только замалчивается критика партийной печати сборника В. Путинаса «Приветствие земле», содержащего идейно-художественные ошибки, но, наоборот, дается книге восторженно-хвалительная оценка.

Неприятно поражают неумеренные похвалы и в рецензии И. Шимкуса «Творче-

ский отчет» на произведение Ю. Балтрушаса и в рецензии П. Носаде «Хорошая лирика» на стихи Э. Мезелайтиса.

Можно ли говорить о серьезном осмыслении проблем современной литовской литературы, если в отделе критики журнала почти нет теоретических статей на «современном материале». Уже названная статья Д. Роде о сатире да статья И. Ланкутиса «Конфликт и характер» — эти, собственно, и ограничиваются список подобных статей. Остальные теоретические статьи перенесены из центральных журналов.

Неумение серьезно вздумываться в проблеме теории сказывается в статье Д. Роде. В этой статье мы встречаем такие путанные рассуждения: «Для писателей критического реализма средства сатирического изображения были очень близки, так как сама собой сатира влетает к реализму; она требует трезвого и глубокого взгляда на действительность и ее анализ, помогает писателям выявить существенные черты извечной действительности. Почему-то все перевернуто с ног на голову; оказывается, не трезвый и глубокий взгляд писателя, осмысливающего существенные черты явлений действительности, помогает решение сатиры, а, наоборот, сатира «влетает к реализму!»

Робость критики, оторванность ее от современной литературы отчетливо проявляются и в том, что критика мало сопоставляет произведения литовской литературы с произведениями писателей других республик и прежде всего с русской литературой. В журнале есть рецензия и на книги русских писателей, и на книги литовских писателей, — и нет общего разговора о единой многонациональной советской литературе. Получается непонятное противоречие. Литовская литература давно стала заметным явлением всей советской литературы, а отдел критики и библиография «Переле» не сумел осмыслить этот факт. Каждое произведение разбирается вне его места в общей жизни советской литературы, вне связи с другими подобными произведениями. Между тем только при подходе к каждому произведению с нормами большой советской литературы можно правильно и всесторонне оценить современную литовскую литературу, действительно борющуюся за повышение ее идейно-художественного уровня. Как много дало бы К. Корсакасу для правильного понимания романа «Пуоджюкемис» сопоставление его с «Делом Артамоновых», а критик оцелился поверхностными, «опшасочными» фразами.

К. Корсакас в статье о «Пуоджюкемисе» рассматривает роман не как художественное произведение, а как некую историческую хронику или сводку об экономических, социальных и политических событиях, относящихся к годам действия романа. Иногда критик выдвигает один из эпизодов романа и претворяет к нему «всю совокупность требований». А. Венцлова, по замыслу романа, кратко повествует о пребывании в тюрьме одного из революционеров — Миколаша Помайтиса. Критик не преминул развиться тирадой: «Нужно показать, что А. Венцлова в данном случае пропустила подходящий сюжетный поворот не только ярче изобразить идейную и психологическое развитие Миколаша Помайтиса, но и шире показать, как лучшие представители трудящихся Литвы даже и в труднейших условиях фашистской тюрьмы не перестали вести революционную борьбу, как битком набитые тюремные камеры и карцеры превращались в школу политического воспитания и революционной закалки...» и т. д. Все это очень хорошо, но ведь автор писал роман «Усадьба Пуоджюкемиса», но не «Коммунисты» или «Пути Помайтиса в революцию». А критик доходит до несерьезного обвинения писателя в том, что «...самому партию встречается только, начиная с 166—167 страниц».

Критик поучает: типичным в поведении кулака Понаса Пуоджюкемиса является то, что он не интересовался обилием для всей страны проблемами и вообще не жил «культурной жизнью». А через две страницы столь же бессодержательно заявляет, что свойственная Понасу «усузная и духовная уэльность... не может быть принята, как характерное явление в отношении классово-типического». А ведь из истории литературы мы знаем самых разных — и духовно «сузких» и духовно «широких» — представителей буржуазии. В одном только «Климе Самгине» Горький показал и Вавраку, и Зотову, и Лютюва, и Бердиюкова. Уместное ли критика «типичной» уэльности или широты ясно сохлатично.

Подобные ошибки — схоластика, предельные абстрактные нормативы под флагом верности жизни — свойственны и некоторым другим статьям литовских критиков. В свое время ошибочное требование изобразить «абсолютно все» во многом поведило И. Доунтайтиса, заставив его дописывать в роман «Большие события в Науяметисе» великие неужные эпизоды, лишь бы «перечислить все». Именно эти требования к жизни новая художественно-беспомощная глава романа — «Решающие дни», опубликованная в 7-м номере «Переле». Подобные требования, как мы видели, выдвигает и К. Корсакас в «Пуоджюкемисе». На этом построена и статья И. П. Носаде «Продолжение эпопеи» о романе А. Гулайтиса-Гузвиничуса «Братия».

Кому, как не «Переле», следует вздумчиво, серьезно, по-хозяйски заботиться о развитии литовской литературы?! Отсутствие должной заботы и объясняется тот факт, что на страницах журнала появляются статьи, то захваливающие писателей, то теоретически несостоятельные, грешащие вульгаризацией и упрощенчеством.

## Новые книги

Борников Г. Строитель. Документальная повесть. Профиздат. 132 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

Идейность и мастерство. Сборник статей советских писателей-о драматургов (1945-1953). «Искусство». 320 стр. Цена 14 руб. 29 коп.

Имерманн А. Где встретятся все корабли. Стих. Авторизованный перевод с латвийского В. Пельского. Рига. Латвийское государственное издательство. 160 стр. Цена 3 руб. 40 коп.

Калошин Ф. Содержание и форма в произведениях искусства. Госполитиздат. 240 стр. Цена 4 руб. 40 коп.

Рагимов А. Моя семья. Роман. Авторизованный перевод с азербайджанского М. Юфия. «Советский писатель». 292 стр. Цена 5 руб. 30 коп.

Советская литовская драматургия. Перевод с литовского. «Искусство». 311 стр. Цена 10 руб. 85 коп.

Фролов В. О советской комедии. «Искусство». 340 стр. Цена 16 руб. 35 коп.

Чех С. Избранное. Перевод с чешского. Гослитиздат. 606 стр. Цена 9 руб. 50 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА  
№ 30 11 марта 1954 г.



ПРОПАГАНДИСТЫ С ФЛИТ-СТРИТА — ЗАЩИТНИКИ „ЕВРОПЕЙСКОЙ АРМИИ“

Английская буржуазная газета «Нью-Кроникл» опубликовала на днях рисунок...

А. БЕЛЬСКАЯ

На первый взгляд такая позиция «Рейнвольде ньюс» может показаться странной...

Однако раскол, наметившийся в самом руководстве лейбористской партии...

Английская общественность не верит, что германский милитаризм можно обуздать «миротворческой рубашкой» европейской армии...

Мимо этих настроений не может пройти и газета «Дейли геральд»...

Вот, по словам «Дейли геральд», что думают в Европе о перевооружении немцев...

цей: «Если ничего не будет сделано, — безнадёжность и поражённые настроения будут шириться...»

Но миллионы людей в Англии, английские рабочие и служащие, рядовые члены лейбористской партии...

Лейбористские лидеры Эттли и Моррисон получили после Берлинского совещания множество резолюций протеста...

Против вооружения Западной Германии возражают в своих резолюциях крупнейшие профсоюзы, объединяющие сотни тысяч рабочих...

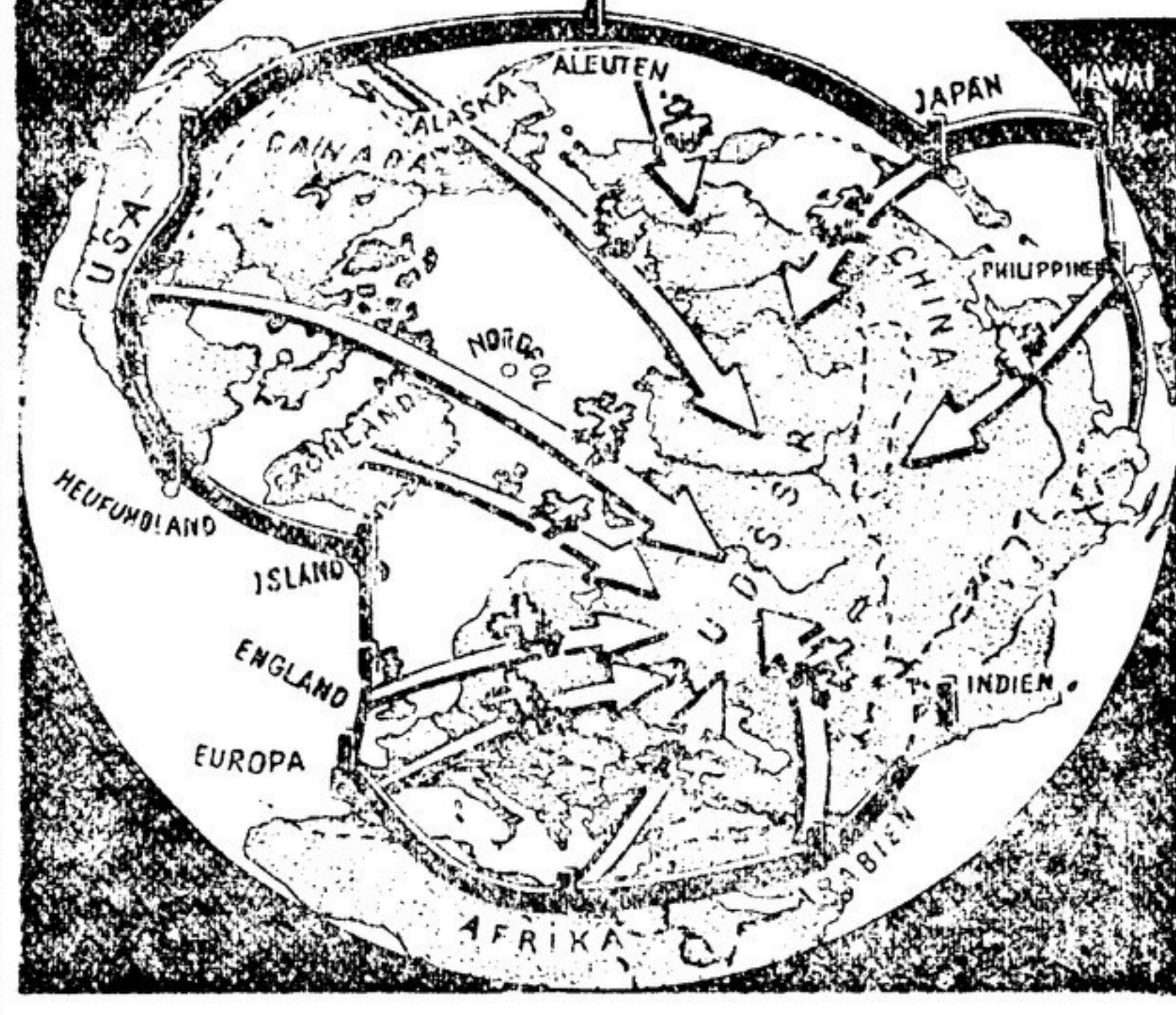
Ежедневно на страницах английских газет печатаются письма рядовых англичан, выражающих борющиеся против попыток возродить германский милитаризм...

Другой читатель пишет в редакцию газеты «Нью-Кроникл»: «Я помню, что тех, кто предостерегал нас против угрозы Германии перед 1914 годом...

Простые люди Англии, не забывшие ужасов войны, понимают, какую огромную опасность таит в себе попытка возродить германский милитаризм...

Рисунок в «Нью-Кроникл», о котором шла речь в начале статьи, — одна из таких попыток. Однако несомненно, что ни это, ни многие другие ухищрения пропагандистов нового вермахта не помогут им обуздать английский народ...

ПРОВОКАТОРЫ ИЗ ЖУРНАЛА „КВИК“



Эта карта была опубликована западногерманским журналом «Квик»...

Журнал «Квик» сопроводил карту «пояснениями». Он утверждает, что США смогут «применить атомное оружие со своих стратегических баз, расположенных во всем мире»...

Справедливости ради следует отметить, что «Квик» лишь воспользовался картой, которая в самых различных вариантах воспроизведена американскими изданиями...

Но примечательно другое. Эта карта появилась на страницах западногерманского журнала в дни, когда в Берлине шло совещание министров иностранных дел четырех держав...

Провокационная затея журнала «Квик» — один из эпизодов той пропагандистской кампании, которую вел и ведет западногерманская ренессансистская пресса против всех попыток ослабить международную напряженность...

Власть гангстеров

В последнее время в иностранные печати все чаще проникают сведения об обстановке беспрерывного террора, которые царят в крупнейших городах США и особенно в городах американских монополий — Нью-Йорке...

Характерна в этом отношении книга американского журналиста Э. Рида «Позор Нью-Йорка», вышедшая в Англии. В ней рассказывается о деятельности «синдиката преступников», который держит в страхе весь Нью-Йорк...

Как „выбирают“ в Италии

Я уже не молод, но голосовать мне удавалось не часто. Хроника моего участия в выборах в качестве избирателя или кандидата, иногда только в качестве кандидата, дает представление о «демократии», существующей на моей родине — в Италии.

В первый раз я голосовал в 1908 году, в 1911 году я не смог голосовать, так как за участие в рабочем движении попал в тюрьму... На выборах в 1919 году, будучи кандидатом, я получил свыше 33 тысяч голосов, но избран не был...

Итак, в течение двадцати девяти лет, начиная с 1919 и кончая 1948 годом, я, гражданин страны, правящие классы которой называют себя последователями «демократических традиций», не мог воспользоваться своими избирательными правами. В таком положении находился и находясь многие тысячи итальянцев...

живается выставить свою кандидатуру. Должен вам сказать... при этом жандарм принял грубый вид: выпятил грудь, скрепя зубы на рукоятке шпана и все последующее слова произносил уже таким тоном, каким сказал бы матерому взыскнику: «Обы стадо известно, что вы собираетесь ограбить местных банк».

Затем этот страж итальянской буржуазной «демократии» продолжал: — Вы ведь цирюльник, что вы понимаете в управлении горном или провинциальным? Для этого нужны люди ученые и богачи, у которых есть свободное время. А вы должны работать...

Жандарм «убеждал» меня так горячо, что в конце концов я попал в тюрьму и не смог голосовать, хотя и был избран в местное управление. Моим соперником был некий господин, именный титул командора, по фамилии Сачеротте. Его кандидатуру поддержали, а мою отклонили католические священники. Дело объясняется просто: я был только цирюльником, а командор Сачеротте — крупным землевладельцем. И все же начальник полиции во все глаза смотрел на меня, когда я поднимался по лестнице муниципалитета — первый социальный избранный на местных выборах... Мы вспоминали о прошлом. Какова же была итальянская действительность?

ского оборонительного сообщества», в защиту национальной независимости Италии. Доблестных партизан, принимавших участие в освобождении Италии, теперь рассматривают как преступников, а тех из них, кто по приказу верховного партизанского командования предал заслуженную казнь кровавого диктатора Муссолини, хотят предать суду. Затем следуют рабочие, занимающие фабрики и заводы, чтобы помешать ликвидации их, как того желали американские монополии; крестьяне, занимающие необработанные помехи земель; рядовые итальянцы, борющиеся за свободу и демократические права, за свободу и мир.

Летом прошлого года — 7-8 июня — в Италии состоялся очередной парламентские выборы. Но бесчисленное множество рабочих и работников, крестьян, полатившихся за свои демократические убеждения в тюрьму, не имея, разумеется, возможности использовать свое право на голосование. Такого права были лишены также тысячи других итальянцев, чьи политические взгляды расходятся с официальной точкой зрения правящих кругов и католической реакции. Зато в полном соответствии с буржуазной избирательной механикой правом «голосовать» во многих случаях пользовались мертвецки. Но да, и иногда и до сего раз удавалось голосовать иным католическим священникам.

В погоне за голосами демокристская и другие реакционные партии прибегают к таким, например, трюкам: открыто покупают избирательные бюллетени, намеренно допускают в них ошибки, чтобы аннулирование голоса демократически настроенных граждан... В ходе политических выборов в Неаполе издателем раздала под два килограмма мажоран и по коробочке консервов с помидорами, превозмущая общине добавив еще два куста в том случае, если победит христианско-демократическая партия. В Сицилии давали один бутонко избирателю, пожелавшему отдать голос за монархистов, второй бутонко избиратель должен был получить после того, как он проголосовал. В других местах избиратели вручали половину асигнации достоинством в тысячу лир, а вторую половину, без которой первая ничего не стоит, выдавали после голосования. В промышленных районах рабо-

чим, как правило, грозят увольнением, если они высказывают симпатию прогрессивным организациям; в сельских местностях крестьянам, голосующим за коммунистов и социалистов, угрожают «всеми муками ада» и т. д.

Таковы избирательные мошенничества итальянских реакционных кругов в самом общем виде. А вот некоторые конкретные факты, относящиеся к прошлогодним выборам.

В городе Минервино представитель христианско-демократической партии попал на место преступления в то время, когда он ел себе в карман солдату пачку избирательных бюллетеней...

В Флоренции пять монахин, проголосяв в одном избирательном участке, тут же направилась в соседний, чтобы еще раз проголосовать там за христианских демократов... В городе Павия избирателя, страдавшего тяжким недугом, монахи насильно подняли с постели и привезли в избирательный участок. В результате демокристские незаконно приволивали его голос, а человек этот, между тем, умер...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ ШАРЛАТАН ГЕРНИ И К°

В 1935 году Горький в предисловии к американскому изданию книги М. Ильина «Горы и люди» писал, что «Рассказ о великом плане» этого писателя выдержал несколько многократных изданий в Нью-Йорке...



Наша литература дает яркую картину трех с лишним десятилетий развития советского общества. Наши книги — живое свидетельство исторических успехов советского народа. Нам скрывать нечего.

Это понимают непробуденные люди во всем мире. В прогрессивном американском журнале «Юркер» читаем: «За последние 30 лет ни одна страна так не раскрыла себя в литературе, не показала так ясно свою жизнь и свое прошлое, свои хорошие и дурные черты, свою борьбу за прогресс, зацели, стоящие перед народом, изменения, происходящие с людьми, как Советский Союз».

Реакционеры навью полагают, что правду можно скрывать на ковре, и потому вступают в огонь правдивые книги. Они так боятся правды, что объявляют античного наместника Аристофана — коммунистом. Им кажется, что Маккарти можно командировать в древний Рим и в вольный Новгород для проверки лояльности. Они очень нахально ведут себя на земле. Но им этого мало. Они хотят так же себя чувствовать и в истории. Для этого нужно совсем немного: остановить время. Но им все чаще приходится убеждаться в том, что сие от них не зависит.

Так произошло и с неким Айвором Спектором, «членом кафедры Дальневосточного и русского института Вашингтонского университета», который, похвалившись за клеветнические выпады против советских писателей некоего Марка Слонима, решил сделать ему одно замечание. Но прежде — о моще американской прессы, на этот раз выступившей под фамилией Слоним. Он напечатал книгу «Современная русская литература от Чехова до наших дней», которая не стоила бы и белуго упоминания, если бы не поправка к ней ученого мужа из Вашингтона. Поправка заключается в том, что картина мелкого вранья Слонима нуждается, по Спектору, еще в одном штрихе, после когдо лож зачеркивает, так сказать, всеми цветами спектра. Ни много ни мало, маститый «член кафедры» и прочее уверяет американского читателя, что на XIX съезде КПСС дана директива изображать советского человека только «положительным героем». «Официально запрещено», — кричит Спектор, — «выводить отрицательные персонажи!»

Трудно, конечно, найти другой пример такой откровенной фальсификации широко известных положений партии о необходимости развития сатиры, о необходимости смело бичевать пороки и недостатки в нашей работе, в том числе и в литературе. Вряд ли стоит специально для г-на Спектора повторять то, что черным по белому миллионными тиражами начтано в материалах съезда.

Нас в данном случае интересует другое: почему американская пропаганда проявляет такой повышенный интерес к «положительному герою» советской литературы? В американском издательстве «Нью-Дирекшен» вышел сборник «Новые русские рассказы». Составитель — некий Бернгард Герни. Он везд рассказывает русских писателей 20-х и самого начала 30-х годов: либо

такие, которые ни в какой степени не характерны для дальнейшего творчества их авторов, либо произведения писателей, не оказавших никакого влияния на последующее развитие советской литературы. Герои этих рассказов уже во всяком случае не отражают черт советского человека, чет более 50-х годов, на этот сборник претендует своим фальсифицированным названием — «Новые русские рассказы». А небезвестный нам уже критик Марк Слоним в реакционном журнале «Сатерлей ревью» похвалил Герни за то, что в книге удалось обойти такие «забытые темы», как «индустриализация, коллективизация, социалистическое соревнование и т. д.».

Отдавая себе отчет в том, что работа по фальсификации советской литературы и истории советского общества была нелегка, критик-ходуи утер пот с чела холуя-составителя и сказал, что тому удалось «совершить чудо». Мы, конечно, знаем цену подобным «чудесам». Успех тут зависит от мадого: чтобы зритель заавелся, а у чудотворца чтоб были широкие рукава... Таких чудотворцев обычно называют и иначе: шарлатанами.

Так примерно и названы перестаравшиеся жулики из «Нью-Дирекшен» и «Сатерлей ревью» в рецензии прогрессивного еженедельника «Юркер» на сборник «Новых» русских рассказов. Рецензия называется «В кривом зеркале». Отметим, что нелегко было насрать сборник рассказов, в такой мере не типичный для советской литературы, как этот, и уличив составителей в том, что ни один из рассказов не датирован, «Юркер» заключает: «Эта книга могла бы представлять интерес в качестве контраста к сборнику действительно новой советской литературы, но как «типичный» сборник — это фальшивка».

Горький писал когда-то, обращаясь к американскому читателю: «Книга М. Ильина — поэма о настоящем. Мне известно, что он готовит третья книгу, в которой намерен дать картину будущего. Пожелаем книге «Горы и люди»... чтобы она сылая с мозгов людей пыль прошлого, — пыль, которая мешает им видеть»...

Шарлатаны желтой американской прессы — разные слоними, герни и спекторы дуют изо всех сил, чтобы «пыль прошлого» запоронила глаза рядовому американцу. Они не хотят, чтобы американский читатель узнал, что советская литература открыто бичует недостатки, которые мешают нашему продвижению вперед. Поэтому они выдумывают басню о запрете изображать отрицательного героя.

Они боятся положительного героя нашей литературы, боятся той несомненной правды, которая заключена в нем. Поэтому они скрывают от американского читателя произведения, в которых предстает современный советский человек — положительный герой советской литературы.

Они боятся правды. Поэтому они боятся наших книг, поэтому их не устраивает реализм нашего искусства, метод, помогающий выразить в образе правду жизни. А это — плохая для них примета... Владимир ОГНЕВ

Сюрреализм и азотная кислота

Перед микроскопом западногерманской радиостанции «НБД» выступает художник — сюрреалист Макс Эрнст. «Мы, сюрреалисты, — поучает он слушателей, — являем собой авангард в искусстве. Мы... исследуем внешний и внутренний мир и пытаемся их связать». Доклад Макса Эрнста слушает группа студентов в сельских местностях крестьянам, голосующим за коммунистов и социалистов, угрожают «всеми муками ада» и т. д.

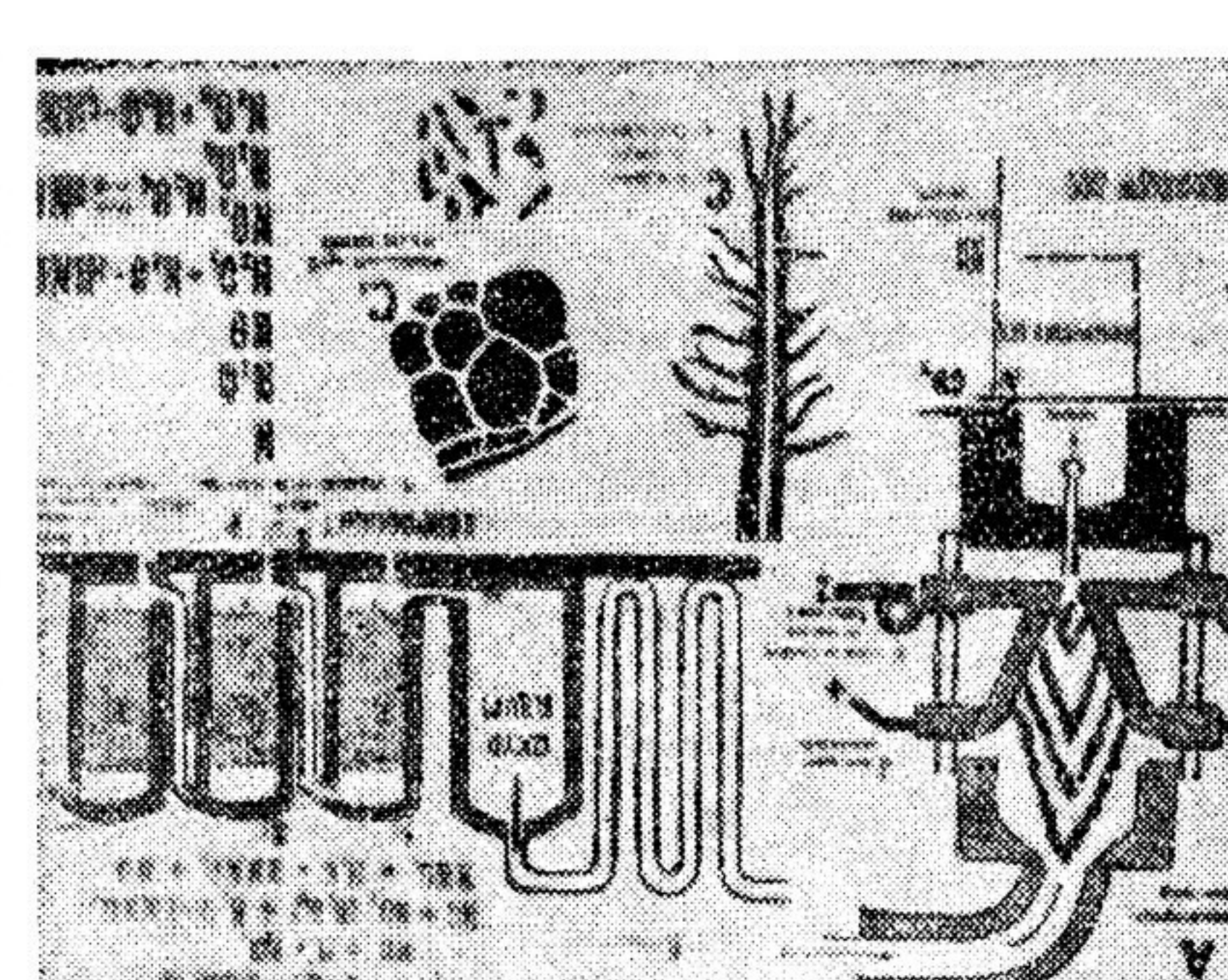


Схема производства азотной кислоты (публикуется в перевернутом виде)

В чем дело? А дело в том, что за несколько дней до выступления по радио «отца сюрреализма» (так именуют западногерманские критики Макса Эрнста) преподаватель одной из школ Рейнкендорфа\* на уроке рисования предложил школьникам обменяться мнениями по поводу картины «Зимний ландшафт». Картина эта принадлежала кисти того же Макса Эрнста. Школьники тщетно пытались понять, что на ней нарисовано. Но вот один из юношей выбежал из класса и вскоре вернулся, неся в зазуау в кабинете химии схему производства азотной кислоты. Когда схема была перевернута, то в картине Эрнста все, как говорится, встало на свои места: она оказалась несколько видоизмененной копией схемы, как нетрудно убедиться, посмотрев на снимки.



Картина западногерманского художника Макса Эрнста «Зимний ландшафт» (Снимки из немецкого журнала «Зонгарт»)

Эту историю рассказала своим читателям западногерманская газета «Берлинер мюренгеноз». Случай с жуликом от искусства Эрнстом, признанным в Западной Германии «практиком и теоретиком сюрреализма», наглядно показывает, как низко пала буржуазная культура и в каком жульническом приёме прибегает ее представители в погоне за наживой и шумным успехом. Д. БЕНЕСЛАВСКИЙ

Главный редактор Б. ЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам. Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разд. литературы и искусства — К 4-02-29, редакционная контора — К 4-08-89, К 4-03-48, К 4-72-88, международная контора — К 4-03-48, Москва, Б-3 27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Колхозкоррентур — К 5-00-00.